

Футурология вечного возвращения или моральная революция?

(Вместо заключения)

Столкновение двух ценностных систем — христианской морали традиционного общества и формирующейся в его недрах антихристианской логики ценностей капитализма привело к моральному коллапсу. Выходом из морального коллапса стал либеральный консенсус капиталистической миросистемы. Базовая либеральная концепция прав и свобод человека стала паллиативом, своеобразным способом примирения христианских ценностей и логики капиталистического развития, во многом строящейся на поправке данных ценностей.

Модерновые идеологии смогли разработать гибридные версии ценностных систем, совмещающие ценности рынка, конкуренции, личного успеха, бесконечного накопления капитала, неравенства людей, свойственные возникшим общественным отношениям эпохи капитализма, с христианскими ценностями милосердия, равенства, братства, взаимопомощи, эгалитарности, область действия которых сократилась до частных жизненных миров людей, их семей и знакомых. Подобное разделение приоритетов, своего рода двойные моральные стандарты: преимущественно христианская мораль для частной жизни и капиталистическая для жизни в обществе и социально-ролевых функций — во многом способствовали смягчению, но не преодолению морального коллапса капиталистической миросистемы.

Наиболее явно моральная двойственность христианства и капитализма в области общей морали проявилась в протестантской этике. Среди версий общественной морали, то есть систем ценностей, связанных с требованиями к человеку не Бога, а конкретного общества, наиболее адаптированной секулярной моделью христианских ценностей стала концепция прав и свобод человека. Однако со временем она все более отходила от лежащего в ее основе христианского понимания человека к образу «человека экономического», превращаясь в более ограниченный набор минимальных социально-политических и экономических требований и прав, которые люди могут предъявить к современности.

Соревнование идеологий как «светских религий» и моральных паллиативов в период Модерна велось в направлении одной цели: достичь

более эффективного приспособления технологических возможностей капитализма (прогресс, рост потенциальных возможностей человечества) к базовым христианским ценностям, сплачивающим людей в общество. Ключевая проблема собственно и заключается в том, что капиталистическая миросистема в «голом виде» не способна поддерживать существование общества в целом, она не имеет необходимой для этого морали.

Логика эффективного менеджера ограничена масштабами экономического предприятия, нацеленного на извлечение прибыли и накопление капитала. Капиталистическая мораль является набором правил для максимизации эффективности данных процессов, не более того. Но нация — это не фирма и не корпорация, а граждане — не сотрудники фирмы.

Поэтому абсолютизация ценностей капиталистической миросистемы смертельна для наций-государств, выходящих далеко за рамки подобной операционально ограниченной моральной системы, абсолютизирующей нечто частное для общества, будь то экономика, спорт, война, потребление и т.п.

Капиталистическая миросистема, эффективность которой требует воспроизведения морального коллапса, обречена постоянно подстраиваться к обществу, поддерживать которое собственными средствами она не способна.

Следует отметить, что на Западе веками происходила выработка принципиальных альтернатив христианским ценностям. Однако альтернативные моральные ценности до сих пор являются менее универсальными и эгалитарными, как правило, отрицая претензии на всеобщее в пользу особенного и частного. Попытки выработать новые социально-политические ценности в настоящее время связаны с постмодернистскими теориями, деуниверсализирующими Модерн, — с идеями мультикультурализма, теориями идентичности, различными «национальными идеями». Все они с разной степенью успеха критикуют и размыывают базовые ценности христианской цивилизации.

Проблема в том, что альтернативные этические варианты, предлагаемые данными политическими учениями (если они вообще предлагаются), по сути, архаизируют и дегуманизируют современные общества, поскольку не претендуют на общезначимость, декларируют сосуществование разных моральных систем, что неизменно приведет к двойным стандартам, делят людей по разным основаниям (культурным, языковым, географическим, экономическим, религиозным), порождая новые неравенства, даже руководствуясь при этом благими намерениями. В результате возникают паллиативные варианты национальной, этнической, корпоративной, мафиозной, социал-дарвинистской политиче-

ской этики, которые не смогут поддерживать целостность и разнообразие общества, стабильный уровень достигнутых свобод и возможностей для всех людей.

Современное общество фрагментируется и индивидуализируется, его цели и ценности все более дифференцируются, в то время как экономические процессы глобализируются¹. И то, и другое не способствует реанимации или созданию более эгалитарных и универсальных ценностей, способных уравновешивать неолиберальную логику капитализма, распространяющую свою версию «человека экономического» как единственно легитимную в условиях современности.

Оборотная сторона такого состояния глобальной «конкуренции на понижение» особенно заметна в третьем мире, где глобализация оставляет человека один на один с бесчеловечными правилами рынка и беспощадной эксплуатацией, не смягченными никакими национальными стандартами приемлемых условий труда. «Всемирная торговая организация не говорит ничего о праве на организацию профсоюзов, об условиях труда или о детском труде... при сегодняшнем режиме международной торговли, если страна в состоянии предлагать свои продукты по более дешевой цене потому, что она осуществляет политические репрессии, закрывает глаза на социальное угнетение и истязает свою окружающую среду, это не является проблемой ни либеральных экономистов, ни ВТО»².

Рассмотрев доминирующие в обществе политические и экономические подходы к будущему, мы можем наблюдать печальную картину. Будущее в большинстве случаев по-прежнему представляется в лучшем случае дрящимся настоящим, постепенно избавляемым от присущих ему недостатков. Это своего рода апология статус-кво в виде доктрины вечного возвращения.

Какова может быть идея будущего общества, которое стоит того, чтобы за него бороться? Представляется, что в дискурсе о будущем ничто так не вводит в заблуждение, как поверхностные исторические аналогии. Вся российская политология представляет собой доктрину «вечного возвращения». Споры ведутся лишь о том, куда надо возвращаться, и как далеко от современности отстоит тот роковой период, когда Россия сбилась с истинного пути развития, на который ей следует вернуться — ельцинский «либерально-анархический» период, СССР, Российская империя, Святая Русь до Никона и Петра I, Россия не испорченная татаро-монгольским игом, Киевская Русь до Рюриковичей и принятия христианства, и так далее вглубь веков.

¹ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.

² Джордж С. Доклад Лугано. О сохранении капитализма в XXI веке. С. 264–267.

Еще более бесперспективны экскурсы в чужую историю и топологически параллельную современность других государств. (Хотя само по себе сравнение с «другим» полезно, так как только оно может объективировать субъекта познания и дать ему представление о «себе».) Все эти экскурсы в историю бессмысленны для оценки того, чем является Россия «здесь и сейчас», а тем более какой Россия «должна быть». Если вопрос о будущем, то оно в своей сущности «иное», нежели все, что было до него. Иначе оно вовсе не будущее, а делящееся до бесконечности прошлое и настоящее. Будущее нельзя почерпнуть в прошлом как ее механическую проекцию, все футурологические проекты подобного рода потерпели поражение. Будущее есть новая эпистема, эпоха, парадигма, переход в которую возможен только как прыжок в неизведанное и непредсказуемое.

Сомнительным представляется также поиск причин и смыслов общественных изменений в политических формах организации общества, призванных лишь институционально фиксировать подобные изменения. Что лучше — парламентская или президентская республика, монархия или прямая демократия; унитарное государство, федерация или конфедерация; одно- двух- или многопартийность; выборы по одномандатным округам или по партийным спискам; самостоятельная «цивилизация» или подчинение мировым историческим закономерностям и т.п. Взятые сами по себе эти надстроечные политические формы не обладают самодовлеющей логикой развития, которая в состоянии объяснить причины общественных изменений, того, почему выбор был сделан в пользу того или иного варианта. Это лишь продолжение и институциональная фиксация более фундаментальных культурных, исторических, экономических процессов и изменений.

Смысл необходимой нам моральной революции заключается в том, что необходимо последовательно развенчать все виды морали, играющей на понижение и сформулировать мораль, играющую на повышение. Мы убедились в пагубности и бесперспективности «понижающей» морали на нашем собственном примере — примере нравственного значения нашей «революции». Из нашего положения есть два выхода — вверх и вниз. Вниз ведут разного рода дискурсы, основанные на риторике идентичности, прагматизме и т.д. Вверх — дискурсы, основанные на стремлении к справедливости, понимаемой как рост возможностей для наибольшего количества людей.

Человек — существо, которое желает быть бóльшим, чем то, чем оно является, которое завтра желает мочь больше, чем может сегодня, которое желает во все большей степени быть хозяином своей судьбы. Такая постановка вопроса подчиняет себе вопросы о собственности, свободе, религиозных и политических убеждениях и т.д. Новое обще-

ство, которое по необходимости будет глобальным, явится плодом грандиозного эксперимента как социального, так и политического, и технологического, иными словами — плодом нового модернизаторского проекта управления судьбой.

Подобный проект уже существовал в XVIII–XX вв. и назывался проектом Модерна. Живое представление о том, что возможности общества расширились вследствие прогресса, в эпоху Модерна служило источником морального неприятия и становилось важным критерием различения справедливого и несправедливого. С радикальной точки зрения, особенно с марксистской, самый важный вопрос поэтому звучал примерно так: почему сегодня люди считают несправедливым то, что считали справедливым вчера? Иначе говоря, откуда берет начало моральный импульс возмущения несправедливостью?

И становилось очевидным, что он берет начало из осознания того факта, что сегодня возможности, предоставляемые человеку благодаря совершенствованию науки, техники, производства, государственного управления и т.д. (прогрессом), объективно возросли, в то время как общественные отношения остаются такими, как будто ничего не изменилось. Несправедливость стала заключаться в том, что плоды прогресса присваиваются лишь частью общества, определенно меньшей, чем это еще можно позволить. Отсюда в основе каждой прогрессивной политической идеологии эпохи Модерна всегда находилась этическая концепция справедливости как стратегии расширения возможностей для наибольшего числа людей. Всякая же оппонирующая ей идеология должна была представить морально убедительную альтернативу этой этике.

Однако по мере исчерпания модернизаторского проекта вера в возможность развития *всех* стран и народов была подорвана. Возобладали формулировки, исходящие из архаичного представления о праве на жизнь, свободу и собственность. Они были дополнены риторикой прав национально-культурной общности, социальных прав, понимаемых как права на доступ к потреблению каких-либо благ, и т.д. Такого рода этика дележа благ уже не имела ничего общего с проектом управления человечеством собственной судьбой. Поэтому Модерн подошел к своему концу, истощился его моральный импульс, и вместе с этим наступил закат либеральной идеологии и социалистической утопии, с которыми его отождествляли.

Таким образом, сейчас мы находимся в ситуации, когда необходима постановка вопроса даже не столько о новом глобальном проекте, сколько о новой моральной революции.

Без моральной революции не может появиться новых жизнеспособных политических дискурсов, идеологий и утопий. Мы оказались сейчас не в том положении, в котором находился, например, Маркс

и его последователи XIX — начала XX в. Маркс мог позволить себе роскошь создать «научный коммунизм» и пренебрежительно относиться к морализаторству именно потому, что в его время как раз с моральным обоснованием коммунизма и иных левых и либеральных доктрин не было проблем. Все они в равной степени покоились на базовых ценностях эпохи Модерна. И все они перестают работать тогда, когда моральная основа Модерна теряет влияние.

Пока модерновый проект работает, идеологии являются также и этическими дискурсами. Потому что они в основном обосновывают сходные ценности, но разными способами и с разными акцентами. Политический дискурс совпадает с этическим.

Но когда морального базиса Модерна больше нет, политические дискурсы теряют свое этическое значение. И тогда бесполезно пытаться сформулировать новую идеологию и утопию, не начав с вопросов морали, вопросов личной мотивации, с самого важного для человека вопроса — зачем мне все это нужно?

Тогда принципиально важно — какой окажется новая мораль: «играющей на повышение» или «играющей на понижение»? Мораль, играющая на понижение, базируется, по сути, на эгоизме разных типов, всегда подразумевающих игру с нулевым результатом.

Мораль, играющая на повышение, основана на убеждении, что проблемы человечества могут быть решены общими усилиями, благодаря взаимопомощи и солидарности, а также универсальным гуманистическим ценностям и вере в потенциал человеческого разума.

1. Единство человечества, солидарность, взаимопомощь.
2. Лишних людей нет.
3. Ресурсы, а также научно-технические достижения принадлежат всему человечеству.
4. Наиболее моральна стратегия непрерывного расширения возможностей для всех людей.
5. Перспектива политической, культурной, экономической, правовой универсализации человечества, создания транснациональных институциональных каркасов предпочтительнее логики любых локальных «измов».

Для России все это означает осознанную попытку трансформации капиталистической мирозастемы. Но для того, чтобы предпринять ее, необходима моральная революция в самой России. Она элементарна: выйти за пределы логики отношений раба и господина, вышших и низших, сильного и слабого.

Сейчас мы слабы, нас угнетают и творят по отношению к нам несправедливости, но мы поднатужимся, станем опять сильными и им всем покажем. Переделаем, например, сферы влияния в капиталисти-

ческой миросистеме, подгребем снова к себе все постсоветское пространство, поставим на место зарвавшиеся нацменьшинства и т.д. Именно такое мировосприятие и должна преодолеть моральная революция. Цивилизационная риторика (риторика идентичности), риторика «ковчега» является для этой моральной революции главным интеллектуальным препятствием. Без эффективного слома этой риторики, без ее разоблачения никакой нелицемерный глобальный эгалитарный проект невозможен.

Если общественная концепция осуществляется практически, это и служит критерием ее истинности: «Навряд ли... действенный проект когда-либо появится из теоретических изысканий, подобных нашему. Он возникнет только из практики. В определенный момент рассуждений Марксу понадобилась Парижская коммуна, чтобы, совершив рывок, представить коммунизм в его конкретике как действительную альтернативу капиталистическому обществу»¹.

Задача моральной революции, помимо всего прочего, состоит в уничтожении элитистского сознания. Аморальным должно считаться само деление на элиту и неэлиту. Не могут построить *более справедливый и эгалитарный* мир те, кто, еще не приступив к выполнению задачи, уже делят людей на элиту и прочих. Даже если они рассуждают о том, что у новой элиты на первом месте должно стоять стремление к общественному благу и спасению своей страны, и даже мира, а не личное процветание. Грехопадение советского общества ведь с того и началось, что две «элиты в себе» — номенклатура и часть интеллигенции — осознали себя «элитами для себя». И это элитистское сознание в считанные годы морально разложило советское общество.

Надо исходить из простого критерия: по моральным основаниям в сегодняшней России элиты нет. Кто считает себя элитой, в действительности морально не превосходит остальных. В том числе и те, кто считает себя будущей революционной элитой. Тот, кто действительно имеет моральное преимущество, именно *в силу этого* не считает себя элитой: его сознание отрицает деление на лучших и худших. Причем это касается всех людей, наций, народов.

Одной из типичных элитистских стратегий является использование концепции политического мифа. Такое использование подразумевает наличие некоего привилегированного гносеологического субъекта, который сам влиянию мифов (плодов искаженного восприятия реальности) не подвержен, но может создавать политические мифы ради воздействия на других. Использование концепции политического мифа часто проникнуто откровенным чувством превосход-

¹ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 195–196.

ства «понимающей в чем дело» элиты перед «массой». С элитарной точки зрения дело представляется примерно так: были имперские и советские мифы, которые объединяли общество, потом на их место попытались внедрить либеральные — но не получилось. Проблема в том, чтобы придумать подходящий миф.

Эта позиция разделяется людьми, которые не понимают, — то, что воспринимается именно как «миф», общество не объединяет. Объединяет нечто, во что искренне верят или что рационально обосновано. Концепция мифа — это оружие противников такой искренней веры. Когда они говорят, что надо бы придумать новый миф, это означает: надо придумать, как вас обманывать теперь. Вот характерный пример «мифологической» интерпретации событий 1990-х: «...Произошло формирование массового сознания, характеризуемого крайней аномичностью, с одной стороны, и отсутствием целостной мифологической системы, с другой. Следовательно, задача поддержания наличного уровня «внутренней» легитимности осуществляемого процесса перераспределения власти-собственности была решена лишь частично»¹. Иначе говоря, проблема только в том, удалась легитимация или нет, был ли успешным обман.

Таково моральное следствие теоретической установки сторонников концепции мифа. Использование этой концепции для формирования политических проектов, ориентированных на будущее, сегодня является признаком моральной несостоятельности их авторов.

Суть же моральной революции проста, она лежит в основе любой этики: думать не только о себе, о своем народе, конфессии и т.д., но и о других. Но это не простое воспроизведение императива: не делать другому того, чего не желаешь себе. Это значит понимать, что, возможно, благо твоего народа станет не просто неудобством, но прямо-таки несчастьем для другого народа. Благо твоих корпораций разорит другие страны и лишит многих работы у тебя же дома. И нужно быть готовым насколько возможно компенсировать это несчастье или попытаться вообще его избежать.

Там, где логика капиталистической миросистемы (логика прибыли) исключает такой подход, нужно лишать политических, правовых и прочих оснований саму эту логику. Это и значит мыслить глобально и справедливо, преодолевая бытовой национализм, ксенофобию, снизводительное отношение к отсталым народам, лицемерную риторику идентичности, прикрывающую фактическое неравенство и т.д. Это поможет избежать недоверия, которое народы нынешней периферии испытывают к любым рецептам, исходящим из центра капиталистической миросистемы. Ведь никаких особых секретов развития в современ-

¹ Новиков Д. Антизападничество как стратегия // Свободная мысль. 2007. № 3. С. 20.

ном «плоском мире» просто нет, а глобальные ценности лежат в открытом доступе. Интеллектуальная значимость новых идей проявляется в способности улучшать эти открытые файлы для всего мира. Изобретать особые ценности для той или иной его части — нечто другое.

Наконец, формирование нового общества может происходить не только посредством обращения к всепоспешительной логике прогресса, который все исправит и наладит. Подобный исторический оптимизм безоснователен, а доступные ресурсы, как обнаружила капиталистическая мир-система, не бесконечны. Формирование нового общества, как неоднократно показывает человеческая история, может происходить не только благодаря новым возможностям, но и благодаря отказу от них, как было в сектах первых христиан, казавшихся образованным римлянам позднеантичного аналога общества потребления обыкновенными или очередными «варварами». Но эти варвары выиграли битву за идеологию и историю, путем аскезы, постановки утопических целей и отказа от общества потребления. Сегодня можно наблюдать появление экологических и фундаменталистских утопий подобного типа, позволяющих осуществить принципиальный разрыв с негативно оцениваемым статус-кво.

Движение истории, трансцендирующей современный политический порядок, продолжается вне зависимости от желания тех или иных социальных сил «остановить историю» в моменты, выгодные этим силам здесь и сейчас. Историю движут общественные идеалы, выраженные в утопиях. Поэтому «исчезновение утопии создаст статичную вещьность, в которой человек и сам превратится в вещь»¹. Подобное исчезновение означало бы утрату способности человечества понимать историю, ставить перед собой новые цели и претворять свои идеалы. Отказ от утопий есть отказ общества от собственных возможностей, от возможности осуществления всеобщего, освобожденного от партикулярных интересов и ограниченной логики проживания в «лучшем из миров».

Таким образом, глобальный консенсус по поводу Модерна в виде «конца истории», глобализации, справедливости статус-кво и сохранения сложившегося разделения материального и интеллектуального труда является лишь одной из возможных логик в современной капиталистической мир-системе. Это частная логика гегелевского господина, логика сильного и богатого. Недостаточно признавать, что для России такая логика *в настоящее время* не является справедливой, поскольку несет стране, в силу ее полупериферийного положения, больше издержек, чем выгод. Важно занять сознательную позицию: логика сильного и богатого, логика раба и господина не может быть справедливой никогда.

¹ Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 218.